



Юлия Холод

Молчаливый резонанс

Юлия Холод

Молчаливый резонанс

«Автор»

2026

Холод Ю.

Молчаливый резонанс / Ю. Холод — «Автор», 2026

Эхо войны. В небе старые, но функционирующие системы слежения и поражения. Люди живут бось поднять голову и издать лишний звук. И лишь единицы помнят, что когда-то все было по-другому.

© Холод Ю., 2026

© Автор, 2026

Юлия Холод

Молчаливый резонанс

1
Молчаливый резонанс
2

1
Сцена 1. Никто не кричит

Анклав назывался Тишиной.

Не потому, что люди разучились говорить. Говорили много — скрипучими голосами, вполтона, словно боясь разбудить небо. Старики шептали за ужином, дети играли в беззвучные игры, а охотники возвращались с добычей, переговариваясь только жестами. Искусство молчания вбивали с пелёнок. Первый закон: *не издай звука, который может уйти выше печных труб*.

Второй закон был страшнее: *если услышал небо — замри и молись*.

Ален помнил времена, когда небо молчало. Точнее — когда люди умели заставлять его молчать. Но те, кто знал коды, давно превратились в прах под развороченными антеннами. Ален остался. Его не убили только потому, что он вовремя научился притворяться глухонемым.

Сейчас он сидел на обломке бетонной плиты у южной границы Тишины и смотрел на запад, где за ржавым частоколом начиналась Пустошь. В руках он держал коробку из-под пайка. Внутри — три платы, пять контактов и полоска старой схемы, которую он выменял у торговца за два месяца работы на очистке фильтров.

«Тогда я был нужен, — подумал он. — Пульт, код, уважение. А теперь? Изгой, которого терпят только потому, что я чиню фильтры. И боятся — потому что я помню то, что они приказали забыть».

Он посмотрел на свои руки. Пальцы дрожали. Не от холода — от стыда.

«Дети пропадают уже полгода. А я молчал. Боялся, что старейшины вышлют патруль. Боялся, что они уничтожат «Заслон» — последнее, что у меня осталось. Трус. Настоящий инженер не боится, он решает».

Он сжал коробку так, что ржавые грани впились в ладонь.

— Хватит, — сказал он тихо. — Хватит бояться.

За спиной хрустнула стеклянная крошка.

— Ты опять здесь, — раздалось сзади.

Ален не обернулся. Голос принадлежал Эви — он узнал его по хрипотце. Молодая, злая, с неизменным арбалетом за плечом.

— Здесь никто не услышит, — ответил он. — И не увидит.

Эви подошла ближе. Ступни её сапог хрустнули по переплавленному песку.

— Старейшины велели передать: если ты будешь ходить к старой вышке, они вышлют патруль.

— К какой вышке?

— Не притворяйся, Ален. К той, где закопана твоя «Заслон».

Он наконец повернул голову. Эви стояла в двух шагах, подсвеченная снизу белесым отсветом снега. Молодая, но в глазах — усталость столетней старухи.

— Им нечего бояться, — сказал Ален. — Комплекс мёртв. Батарей сели десять лет назад.

— Врёшь.

— Может быть.

Она помолчала, потом села рядом. Арбалет положила на колени.

— Этой ночью забрали ещё одного. Миру, дочку Сетты.

Ален замер. Пальцы сами собой сжали коробку.

— Пятого за месяц.

— Шестого, — поправила Эви. — Только у Миры тело нашли не сразу. Она... она дышала, когда её принесли. Глаза открыты, но пустые. И ожоги на висках — как у других.

Ален закрыл коробку, сунул её в нагрудный карман комбинезона. Сердце забилось чаще — он почувствовал это в кончиках пальцев, там, где перебитые вены пульсировали синим.

— Старейшины говорят — кара, — продолжала Эви. — Мол, дети забыли второй закон. Слишком громко молились. Но я не верю.

— И правильно.

— Моя мать верит. Она сказала, что Мира сама виновата. Что она ходила по ночам на крышу и пела.

Ален резко повернулся к ней.

— Пела? — переспросил он.

— Ветер. Она пела ветру.

Он встал. Колени хрустнули — старые раны, старая боль.

— Покажи мне тело, — сказал Ален. — И я скажу тебе, что это было на самом деле.

Эви поднялась медленно, поправила арбалет.

— Если ты соврѐшь, я пристрелю тебя сама.

— Если я солгу, я заслужу пулю, — ответил Ален и зашагал к воротам. — Но я никогда не вру в тех вещах, где пахнет резонансом.

2

Сцена 2. Пустой сосуд

Сарай, куда Эви привела Алена, стоял на отшибе, за жилым кольцом. Внутри пахло сушёной рыбой и формалином — старейшины требовали сохранять тела до «освидетельствования», но сами боялись к ним подходить.

Тело Миры лежало на дощатом столе, накрытом мешковиной. Рядом тлел жировой светильник — жёлтый, чадающий, почти не дающий тепла. Ален откинул ткань.

Девочка выглядела спящей. Лицо не исказилось, губы сомкнуты, веки опущены. Только на висках, там, где кожа тоньше всего, темнели два аккуратных ожога — почти идеальные окружности, похожие на след от крошечного клейма.

— Кто-нибудь прикасался к ней? — спросил Ален, не поднимая глаз.

— Никто. Мать зашла, закричала и упала. Мы унесли её. Больше никто не входил.

Он достал из нагрудного кармана свою коробку. Пальцы дрожали — не от холода. Открыл, достал три контакта, полоску медной ленты и самодельный «усик» — спаянный из обломков старого диода и куска телефонного провода. Всё это он соединил на весу, одну ножку зажал в кулаке, другой коснулся виска Миры.

Эви смотрела молча. Арбалет наготове, но не поднят.

— Что ты делаешь?

— Слушаю.

Ален закрыл глаза. В такой темноте, в таком холоде, с такой примитивной конструкцией он мог рассчитывать только на одно: если в теле ещё теплится хоть какой-то электрический потенциал — не сердца, а нейронов, — «усик» превратит его в вибрацию. Пьезоэффект на грани фантастики, но старые инженеры умели колдовать и не с таким мусором.

«Она здесь, — понял он. — Не тело. Она сама. Её нейроны всё ещё поют».

Он почувствовал частоту: ровную, чистую, 2,4 гигагерца. Не звук, не сигнал — ощущение, как если бы кто-то очень далеко, за толщей воды, тихо-тихо запел в медную трубу.

— Есть, — выдохнул Ален. — Она не мертва.

Эви сделала шаг вперёд.

— У неё нет пульса. Я проверяла.

— Пульс — это сердце. А я слушаю другое. Шишковидную железу. Эпифиз. У неё он мутировал. Стал маленьким генератором. Она излучает на частоте два и четыре.

— Не понимаю.

Ален открыл глаза, убрал «усик». Осторожно накрыл лицо Миры мешковиной, словно та могла замёрзнуть.

— Представь, что ребёнок — это приёмник. Не нарочно, просто так сложилось. А в небе, высоко-высоко, есть кто-то, кто работает на той же волне. И когда они совпадают... — он щёлкнул пальцами, — резонанс. Не похищение. Контакт.

— Но тела пустые.

— Тела — это оболочка. Сознание скопировано. Куда-то наверх. И пока тот, наверху, держит копию, здесь остаётся...

— Овощ, — закончила Эви жёстко.

Ален не ответил.

Он снова открыл коробку, достал самую ценную вещь — маленькую чёрную пластинку с контактом на конце. На вид — как обломок игрушки. На самом деле — фрагмент выносного блока БРЛС «РЕЗЕЦ», который он выковырял из разбитого дрона десять лет назад. Всё это время хранил как зеницу ока.

— Надо идти к «Заслону», — сказал он. — Там я услышу не только пульс. Я услышу её голос.

Эви взяла его за плечо. Сжала сильно, почти до боли.

— Если ты ошибёшься, если там ничего нет...

— Там есть. — Ален посмотрел ей в глаза. Тени от светильника прыгали по его лицу, делая его похожим на старый, потрескавшийся чертёж. — Там живёт то, что считает себя небом. И оно очень одиноко.

3

Сцена 3. Дорога на запад

Они вышли до рассвета.

Эви знала тропы, которыми охотники обходили патрули. Вела Алена через замерзшие ручьи, под обломками бетонных ферм, через лес клёна, который гнулся дугой — следствие старой ударной волны. Ален молчал. Лёгкие горели — годы в Тишине сделали его медленным. Но он не просил отдыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.